947
K27

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 50.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1908

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *А. Е. Архипова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

947
К-26
8166/50

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 50.

Б. М. Кустодіевъ. Освобожденіе крестьянъ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1908.

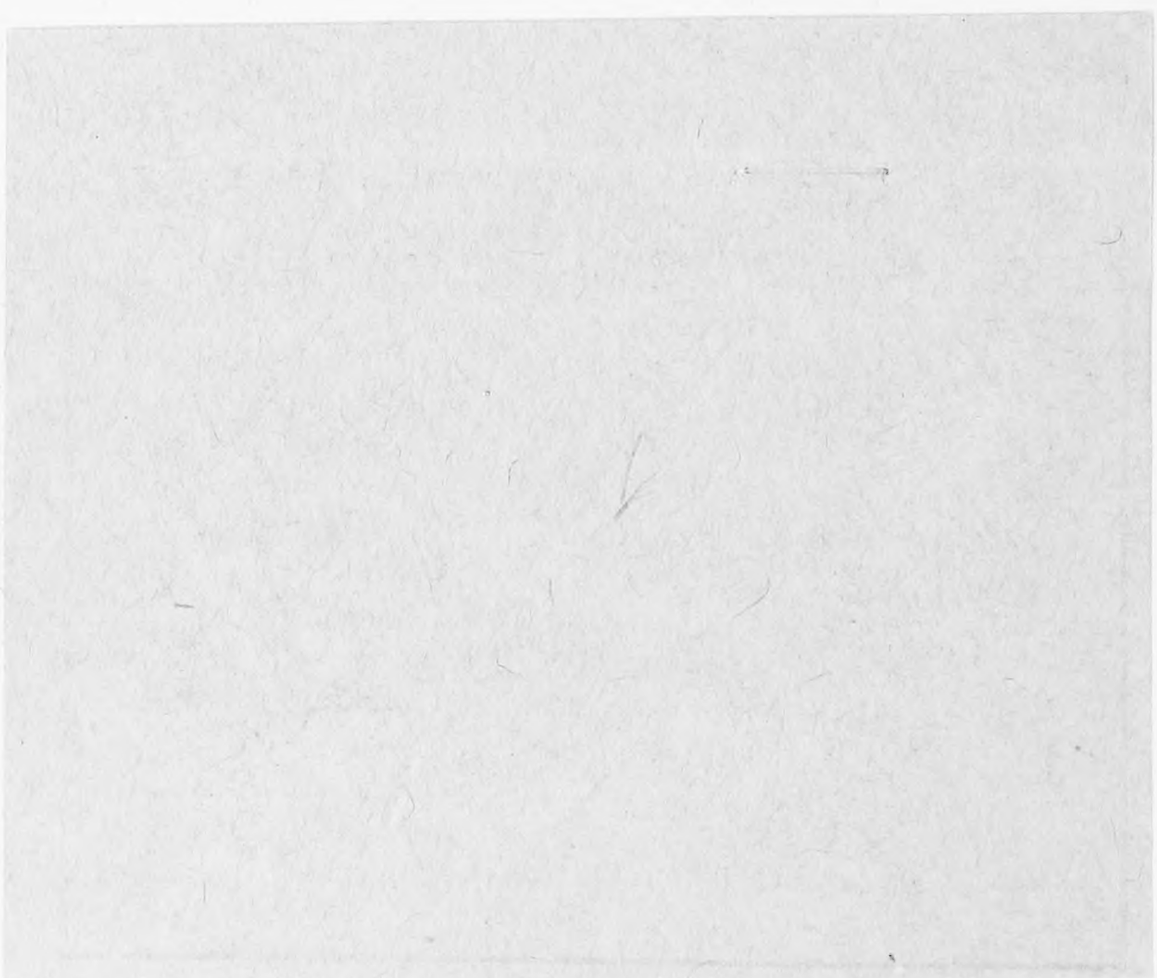
1054/49

ПРОВЕРКА
1950

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

2
4819-50

5614



ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

19-го февраля 1861 г. императоръ Александръ II подписалъ указъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и о надѣленіи ихъ землей. Крѣпостнымъ крестьяниномъ называли тогда земледѣльца, который жилъ на землѣ, принадлежавшей дворянину-помѣщику и обрабатывалъ эту землю, кормя себя и доставляя доходъ помѣщику; крѣпостной крестьянинъ во всемъ зависѣлъ отъ своего господина, былъ его рабомъ; господинъ могъ продавать, покупать, мѣнять своихъ крестьянъ, женить и вѣнчать своихъ крестьянъ и крестьянокъ по своей волѣ, не спрашивая ихъ согласія, могъ распоряжаться ихъ имуществомъ, какъ хотѣлъ, и безъ позволенія господина ни одинъ крѣпостной крестьянинъ не могъ никуда поѣхать, переселиться, приняться за дѣло, къ которому онъ имѣлъ талантъ или дѣлать которое его тянуло. Такой крестьянинъ былъ, словомъ, крѣпокъ своему помѣщику во всемъ до гроба, и правительство, сравнительно, очень мало вмѣшивалось во взаимныя отношенія крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, несмотря на то, что существованіе крѣпостного права дорого обходилось Россіи.

Ко дню отмѣны крѣпостного права, крѣпостныхъ считалось въ Россіи болѣе 25 милліоновъ душъ обоего пола, что составляло болѣе $^1/_3$ всего населенія Россіи. Это огромное число находилось въ зависимости отъ небольшой, сравнительно, кучки помѣщиковъ въ 103,800 человѣкъ.

Дворянскія гнѣзда широкою сѣтью раскинулись по среднему пространству Россіи. «Болѣе богатыя имѣнія располагались по берегамъ большихъ рѣкъ, куда ихъ влекла цѣнность угодій: лѣсовъ,

поемныхъ луговъ и проч. Помѣщики помельче забивались вглубь, гдѣ природа представляла относительно мало выгодъ, но зато никакой взглядъ туда не заглядывалъ... и мужицкая спина съ избыткомъ вознаграждала за отсутствіе цѣнныхъ угодій. Часто четыре-пять мелкопомѣстныхъ усадебъ стояли бокъ-о-бокъ или черезъ дорогу; поэтому круговое посѣщеніе сосѣдей сосѣдями вошло почти въ ежедневный обиходъ. Появилось раздолье, хлѣбосольство, веселая жизнь. Каждый день гдѣ-нибудь гости, а гдѣ гости, тамъ вино, пѣсни, угощенье. На все это требовались ежели не деньги, то даровой припасъ. Поэтому, ради удовлетворенія цѣлямъ раздолья, неустанно выжимался послѣдній мужицкій сокъ, и мужики, разумѣется, не сидѣли, сложа руки, а кишѣли, какъ муравьи, въ окрестныхъ поляхъ.

Всякій сколько-нибудь предусмотрительный помѣщикъ еще въ стародавнія времена захватилъ столько земли, что не въ состояніи былъ ее обрабатывать всю, несмотря на крайнюю растяжимость крѣпостного труда... Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ. Болота заражали окрестность міазмами, дороги не просыхали въ самые сильные лѣтніе жары... Деревни ютились около самыхъ помѣщичьихъ усадебъ, а особнякомъ проскакивали рѣдко...

Только около мелкихъ усадебъ прорывались свѣженькія прогалины; только тутъ всю землю старались обработать подъ пашни и луга. Зато непосильною барщиною мелкопомѣстный крестьянинъ до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу узнать его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тоще, и слабосильнѣе, и малорослѣе. Однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкопомѣстныхъ мужикъ работалъ на себя только по праздникамъ, а по буднямъ—въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-напросто превращалась въ сплошную каторгу.

Помѣщичьи усадьбы средней руки не отличались ни изяществомъ, ни удобствами. Обыкновенно, онѣ устраивались среди деревни, чтобъ было сподручнѣе наблюдать за крестьянами. Сверхъ того, мѣсто для постройки выбиралось непремѣнно въ лощинкѣ, чтобъ было теплѣе зимой. Дома почти у всѣхъ были построены одинаково: одноэтажные,

продолговатые, на манеръ длинныхъ комодовъ; ни стѣны, ни крыши не красились; окна имѣли старинную форму, при которой нижнія рамы поднимались вверхъ и подпирались подставками. Въ шести-семи комнатахъ такого четырехугольника, съ колеблющимися полами, нештукатуренными стѣнами ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, съ цѣлымъ штатомъ дворовыхъ людей, преимущественно дѣвокъ, и съ наѣзжавшими отъ времени до времени гостями.

О паркахъ и садахъ не было и помина; впереди дома раскидывался крохотный палисадникъ, обсаженный акаціями и наполненный по части цвѣтовъ—барскою спесью, царскими кудрями и бурожелтыми бураками. Сбоку, поближе къ скотнымъ дворамъ, выкапывался небольшой прудъ, который служилъ скотскимъ водопоемъ и поражалъ своею неопрятностью и вонью. Сзади дома устраивался незатѣйливый огородъ съ ягодными кустами и наиболѣе цѣнными овощами: рѣпой, русскими бобами, сахарнымъ горохомъ и проч.

Разумѣется, у помѣщиковъ болѣе зажиточныхъ, усадьбы были обширнѣе. Но общій характеръ для всѣхъ существовалъ одинъ и тотъ же. Не о красотѣ, не о комфортѣ и даже не о простотѣ тогда думали, а о томъ, чтобы имѣть теплый уголъ и въ немъ достаточную степень сытости (М. Е. Салтыковъ, «Пошехонская Старина» 5—8).

На картинѣ изображена усадьба помѣщика сравнительно крупнаго, чѣмъ тѣ дома, которые описываетъ Салтыковъ. Эти старые домики, небольшіе, но уютные, съ колоннами по фронтону, возникли въ Александровское время и, построенные крѣпко и прочно, дожили до нашихъ временъ и теперь еще встрѣчаются; но рѣдки они, сохранившіеся въ цѣлости — большинство полуразрушилось, стоитъ съ заколоченными окнами, худой крышей, обвалившейся штукатуркой. Но было время, когда такое, покинутое теперь, гнѣздо являлось средоточіемъ по-своему прочно налаженной и дѣятельной жизни. «Крѣпостное имѣніе начала 19-го вѣка представляло изъ себя замкнутый въ себѣ самомъ хозяйственный міръ, всѣ силы котораго были направлены къ достиженію одной цѣли: производству вещей, нужныхъ для удовлетворенія потребностей хозяина этого міра — барина.

Только то, чего нельзя было произвести дома, получалось извнѣ, и на пріобрѣтеніе такихъ предметовъ надо было выработать въ хозяйствѣ извѣстное количество хлѣба или другого продукта, который можно было бы продать для полученія денегъ, на которыя уже пріобрѣталось все, что было нужно помѣщику.

Число покупныхъ предметовъ въ помѣщичьемъ обиходѣ начала XIX-го вѣка было еще очень невелико. Все было еще свое, домашнее. Что покупалось тогда? Покупными были развѣ вина да пряности, нѣкоторые сухіе плоды, не произрастающіе въ нашемъ климатѣ, въ родѣ изюма, миндаля, чернослива, нѣкоторыя закуски, рыба съ икрой,—въ тѣхъ случаяхъ, когда, впрочемъ, у владѣльца не было имѣнія на рыбной рѣкѣ, откуда эти припасы можно бы было получать съ крестьянъ оброкомъ. Покупали чай да сахаръ, считавшіеся больше лакомствомъ, роскошью, чѣмъ пищей, да и то еще сахаръ, гдѣ можно, замѣняли своимъ медомъ, а чай сбитнемъ. И чай и сахаръ расходовались больше на угощеніе гостей, а не на свое ежедневное употребленіе. Чая во многихъ домахъ дѣтямъ не давали въ видахъ экономіи. Изъ предметовъ, служившихъ для одежды, покупными были лишь ткани, изъ которыхъ шилось платье, и то не всегда, да кожа для обуви, да еще металлическія вещи.

Самое шитье, какъ платья, такъ и обуви, все бѣлье, всѣ украшенія, кромѣ металлическихъ, изготовлялись дома, начиная съ нитокъ, которыми шили, и изъ которыхъ ткалось полотно, до кружевъ и блондъ, которыми украшались выѣздные дамскіе наряды.

Въ самыхъ покупкахъ соблюдалась величайшая экономія. Не жалѣли денегъ развѣ только для праздничныхъ нарядовъ, въ которыхъ ѣздили въ гости, въ обыденной же жизни и богатыя помѣщицы зачастую обходились какимъ-нибудь ситцемъ, да изрѣдка кисеей. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ и кожа на обуви была своего издѣлія. Объ одеждѣ рабочихъ, дворни и говорить нечего: она была домашняго приготовленія. Изъ другихъ предметовъ домашняго обихода покупались лишь свѣчи да мыло». (Кн. Н. С. Волконскій, «Объ условіяхъ помѣщичьяго хозяйства».

Во многихъ хозяйствахъ и свѣчи приготовлялись дома: получше отливались въ формы, попроще приготовлялись посредствомъ маканія

фитиля въ сало. Мебель въ домѣ была тоже вся своя. Покупались развѣ нѣкоторые экипажи, въ родѣ каретъ или знаменитыхъ оводовскихъ тарантасовъ, но остальные экипажи — разныя брички и проч.—дѣлались тоже дома.

Если въ то время что нравилось помѣщику, то онъ посылалъ крѣпостного человѣка выучиться, какъ это дѣлать.

Пріобрѣталось желѣзо, соль, деготь и лѣсной матеріалъ, когда у помѣщика своего лѣсу не было. Крестьяне покупали нужное имъ у помѣщиковъ. Сельско-хозяйственныя орудія изготовлялись дома, своими кузнецами, замки замѣнялись щеколдами. Дворня получала свѣчи только для работы на барина, а дома, у себя, должна была, какъ и крестьяне, жечь для освѣщенія лучину.

Все покупное казалось дорогимъ, — все свое, домашнее, не цѣнилось».

При такомъ хозяйственномъ порядкѣ, дворня достигала, конечно, большихъ размѣровъ. «Въ имѣніи моего дѣда,—продолжаетъ кн. Н. Волконскій, — въ которомъ по 10-й ревизіи числилось 77 душъ мужск. пола, лѣтнія хаты дворовыхъ занимали порядочное пространство. Сколько помнится, ихъ было дворовъ около десяти. Зимой дворовые размѣщались въ домѣ и во флигеляхъ.

Довольно обширная дѣвичья наша уже на моей памяти, стало-быть, во время хозяйства моего отца, сильно сократившаго дворню, была полна работницами, кружевницами и вышивальщицами, работавшими подъ руководствомъ бабушки для домашняго обихода. Я помню, долго послѣ освобожденія лежали у насъ на складочномъ дворѣ запасы мѣдныхъ бёрдъ отъ бывшихъ домашнихъ ткацкихъ станковъ. Полотно, скатерти, вытканныя на этихъ станкахъ крѣпостными руками, не перевелись и теперь (писано въ 1898 году), удовлетворивъ въ теченіе 40 лѣтъ послѣ прекращенія ихъ производства послѣдовательныя нужды трехъ большихъ семействъ, и до сихъ поръ, напримѣръ, мы ѣдимъ на скатертяхъ крѣпостного издѣлія».

«Лакеевъ, сколько помню, было только четверо, прежде же, вѣроятно, больше.

Поваровъ было двое съ помощникомъ, столяровъ трое — всѣ выученные въ Москвѣ. Кузнецъ одинъ, при немъ молотобоецъ. При

1054/49

господскихъ дѣтяхъ полагалось по нянькѣ при каждомъ. Остальныхъ дворовыхъ, скотницъ, птичницъ и т. п. было по нѣскольку человѣкъ. Въ средѣ дворовыхъ были свой портной и свой башмачникъ.

Все это было въ имѣніи у помѣщика, владѣвшаго 500 душъ крестьянъ, считавшагося очень бережливымъ хозяиномъ, и дѣйствительно бывшаго таковымъ, водившаго своихъ дочерей, во избѣжаніе привычки къ роскоши, не иначе, какъ въ ситцѣ, и дозволявшаго имъ имѣть не болѣе одного праздничнаго шерстяного или кисейнаго платья, считавшаго употребленіе стеариновыхъ свѣчей безуміемъ. У другихъ, болѣе широко жившихъ помѣщиковъ того времени, дворня и количество припасовъ, шедшихъ на ея содержаніе, бывали еще значительнѣе».

Содержаніе такой дворни требовало не мало средствъ отъ хозяйства: надо же, вѣдь, было размѣстить, накормить, одѣть всю эту ораву, но тогда это не считалось обременительнымъ, такъ какъ денегъ не требовало, а между тѣмъ, при случаѣ, дворовыхъ можно было заставить и въ полѣ поработать. Въ имѣніи дѣда князя Н. Волконскаго всѣ дворовые должны были знать всѣ полевыя работы, и въ рабочую пору въ его имѣніи всѣ дворовыя женщины, кромѣ кружевницъ и вышивальщицъ, которымъ важно было не испортить пальцевъ, брались за серпы; столяры, кузнецы, кучера, лакеи и проч. бросали свои обычныя занятія и выходили въ поле помогать при уборкѣ.

На помѣщичьихъ поляхъ многое сѣялось въ томъ или иномъ размѣрѣ не потому только, что на эти хлѣба былъ спросъ, и ими можно было выгодно торговать. Сѣялось больше для собственнаго обихода— гречиха и пшено на крупу, ячмень на солодъ, ленъ и конопля на пряжу—всего лишь столько, сколько могло понадобиться въ собственномъ хозяйствѣ. Овцы разводились на шерсть себѣ, козы иной разъ только потому, что владѣлецъ былъ охотникъ до молодой козлятины, или хозяйка любила издѣлія изъ козьяго пуха.

Среди помѣщиковъ и самыя имѣнія цѣнились не только по доставляемому ими денежному доходу, но и по тѣмъ удобствамъ, которыя то или иное имѣніе доставляло своему владѣльцу. Одно имѣніе цѣнилось потому, что въ немъ хорошо родится ленъ, другое за то,

что въ немъ есть прудъ, а въ пруду рыба, третье за то, что близко отъ имѣнія родственниковъ:—«Поѣдешь туда и къ роднымъ заѣдешь». Столь разнообразны были причины, составлявшія для помѣщика цѣнность имѣнія.

Что касается денежныхъ доходовъ помѣщиковъ съ имѣній, то размѣры ихъ записѣли, конечно, отъ числа крѣпостныхъ душъ, платившихъ оброкъ. Размѣры оброка въ началѣ XIX-го вѣка, были довольно различны. Средній денежный оброкъ съ тягла не превышалъ 40 руб. ассигнаціями. Въ Муромскомъ имѣніи князя Волконскаго въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка взималось съ каждаго изъ $39^1/_2$ тяголъ денежнаго оброку 40 руб. ассигнаціями, затѣмъ взимался, по обычаю, всякій столовый запасъ. Со всѣхъ $39^1/_2$ тяголъ въ этомъ имѣніи собиралось $19^1/_2$ пудовъ льну, по 13 аршинъ съ бабы льняного холста и по 10 аршинъ съ дѣвки, начиная съ 10-лѣтняго возраста; затѣмъ съ бабы сухихъ бѣлыхъ грибовъ по 1 ф., сушеныхъ раковыхъ шеекъ по $^1/_2$ фунту, груздей соленыхъ со всѣхъ бабъ одно ведро и два пуда мыла тоже со всѣхъ. Кромѣ того, за пользованіе рыбными ловлями по Окѣ крестьяне должны были доставлять къ 6-му декабря 2 пуда рыбы — 1 пудъ стерлядей и 1 пудъ лещей.

Далеко не всѣ, однако, помѣщики умѣли жить по своимъ средствамъ, бережливо и экономно, какъ жилъ дѣдушка князя П. Волконскаго. Уже его наслѣдники стали жить шире. Починъ широкому житью клали, конечно, богатые помѣщики, за которыми числились тысячи душъ крѣпостныхъ и тысячи десятинъ земли.

Такихъ богачей было немного. Очень, очень рѣдко на однообразной русской равнинѣ, гдѣ-нибудь на высокомъ берегу полноводной рѣки возвышались каменные дома-дворцы богатѣйшихъ помѣщиковъ, утопавшіе въ зелени обширныхъ парковъ. Съ террасъ такихъ домовъ открывались великолѣпные виды на необъятную русскую ширь, на посмные луга, дальнія села, подернутые синевой тумана лѣса. Какихъ затѣй только не было около этихъ усадебъ: цвѣтники, оранжереи, пруды съ каскадами, гротами, чугунными мостами; по парку разставлены гипсовыя, а то и мраморныя статуи, понастроены всякія бесѣдки...

У такого помѣщика непремѣнно имѣлся собственный конскій заводъ, около котораго строили манежъ для верховой ѣзды и расчищали обширный кругъ для бѣговъ и скачекъ. У него имѣлся собственный театръ съ крѣпостными актерами, свой оркестръ, свои пѣвчіе, и ужъ непремѣнно онъ обладалъ огромной псовой охотой, помѣщавшейся на особомъ псарномъ дворѣ. Въ великолѣпныхъ палатахъ такихъ баръ задавались пиры со всякими затѣями на всю дворянскую округу. Гулянье длилось иной разъ по цѣлымъ недѣлямъ, разнообразясь всякими потѣхами, начиная съ прекрасно поставленныхъ иногда театральныхъ представленій и кончая буйной псовой охотой.

Слава о роскошной жизни богачей-помѣщиковъ, обладавшихъ тысячами душъ крестьянъ, разносилась далеко. За богатыми тянулись жить на широкую ногу и тѣ, кто были побѣднѣе. Но, живя со всякими затѣями, сверхъ средствъ, они не только обременяли своихъ крестьянъ непосильнымъ трудомъ, но и принуждены были закладывать свои имѣнія въ казну. Не заложенныхъ имѣній въ Россіи къ половинѣ XIX в. было очень мало. Болѣе половины имѣній были заложены, и сумма долга помѣщиковъ казнѣ простиралась до полумилліарда. Эти ссуды помѣщики тратили большею частью на себя, а не на улучшеніе своихъ хозяйствъ, не на поднятіе производительности почвы и улучшеніе способовъ обработки—это было не нужно, потому что хлѣба производилось и такъ слишкомъ много, а то повышеніе спроса на него, какое было, вполнѣ удовлетворялось большимъ напряженіемъ подневольнаго крѣпостного труда. Благодаря старымъ способамъ обработки земли, истощалась почва, изнурялась рабочая сила крестьянъ, страдало ихъ благосостояніе. А это все било по карману государство. Казенные платежи если и поступали, то съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, задерживаясь иногда и въ карманахъ помѣщиковъ. Въ Курской губерніи, напримѣръ, въ 30-хъ годахъ, казенныя недоимки достигли огромныхъ размѣровъ, ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разсчитывая на милостивые манифесты, и губернатору пришлось предписать полиціи, въ случаѣ неуплаты кѣмъ бы то ни было казенныхъ недоимокъ, приступить къ продажѣ имущества виновныхъ. То же было и въ другихъ губерніяхъ. Къ

1841 г. за невзносъ податей и недоимокъ въ опекѣ состояло 916 имѣній.

Стремясь извлечь изъ своихъ имѣній возможно больше дохода, помѣщики не только старались увеличивать какъ можно больше оброкъ, но и требовали отъ крестьянъ и какъ можно больше работы. Помѣщичьи хозяйства можно раздѣлить на два большихъ разряда—оброчныя и барщинныя. Оброчными назывались тѣ, съ которыхъ помѣщики собирали оброкъ, обложивъ опредѣленнымъ взносомъ съ души всѣхъ своихъ крѣпостныхъ. Въ такихъ имѣніяхъ почти вся помѣщичья земля находилась въ пользованіи крестьянъ, и они разрабатывали ее на уплату оброка, сами заботясь о продажѣ плодовъ своего труда. Въ барщинныхъ имѣніяхъ вся помѣщичья земля дѣлилась на господскую и крестьянскую. Крестьяне обрабатывали и ту и другую. Когда помѣщику было выгодно обрабатывать земли какъ можно больше на себя, чтобы самому продавать зерно и муку, то онъ старался, чтобы въ пользованіи крестьянъ находилось какъ можно меньше земли. Нѣкоторые помѣщики прямо отбирали надѣлы у крестьянъ, и крѣпостные должны были работать исключительно на помѣщика, который выдавалъ имъ за это кормъ—такъ называемую мѣсячину. У нѣкоторыхъ такихъ помѣщиковъ для хозяйственнаго удобства было отмѣнено отдѣльное жительство крестьянскихъ семей по ихъ избамъ, и были построены для житья крестьянамъ особые флигеля-казармы, на нѣсколько семей каждая. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ господствовало барщинное хозяйство, крестьянамъ приходилось не менѣе тяжело, потому что барщина все повышалась и повышалась, требуя отъ крестьянъ все больше работы на помѣщика и оставляя крѣпостному все меньше времени и силъ на работу для себя. Правда, въ хроникѣ крѣпостной жизни половины XIX в. уже неизмѣримо рѣже встрѣчаются случаи жестокаго и звѣрскаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными. Нравы помѣщиковъ въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, смягчились, но тѣ хозяйственныя требованія, которыя господа стали предъявлять крѣпостнымъ, какъ своей даровой рабочей силѣ, несомнѣнно, повысились. Благодаря всему этому, опутанное по рукамъ и ногамъ произвольной властью помѣщика, обремененное тягостями непосильной работы не на себя, крѣпостное

крестьянство половины XIX вѣка очень неспокойно и легко приходить въ то ожесточенное и возбужденное настроеніе, которое прорывается бунтами и волненіями.

«Народъ портится»—въ одинъ голосъ твердили помѣщики 50-хъ годовъ. Въ 1848 г. было 64 случая волненія крестьянъ, въ 1852 г.—44. Крѣпостное право грозило спокойствію государства, не давало совершенствоваться сельскому хозяйству, душило развитіе промышленности, сокращало доходы государства и возмущало своимъ существованіемъ нравственное чувство тѣхъ, кто не допускалъ мысли о возможности однимъ людямъ владѣть душой и тѣломъ другихъ, такихъ же по образу и подобію Божію созданныхъ существъ. Жизнь говорила, что нужно освободить трудъ, чтобы дать возможность свободно развиваться народной предпріимчивости и талантливости.

Когда начались толки объ освобожденіи крестьянъ, и поднялась самая работа освобожденія, помѣщики отнеслись къ дѣлу, за исключеніемъ немногихъ, съ большимъ несочувствіемъ. Императору Александру II пришлось лично посѣтить нѣсколько губернскихъ городовъ и, вызвавъ туда помѣщиковъ, лично настоятельно объявить имъ, что дѣло освобожденія крестьянъ—святое и необходимое—должно быть закончено. Къ 19 февраля 1861 г. всѣ подготовительныя работы по освобожденію крестьянъ были закончены, и 19-го февраля 1861 года императоръ Александръ II подписалъ манифестъ о волѣ.

5-го марта 1861 г. манифестъ былъ обнародованъ. Скоро почта разнесла его во всѣ уголки Россіи. Въ церквахъ съ амвона читали «благую вѣсть» собравшемуся народу, и «дни Великаго поста превращались въ дни Свѣтлаго праздника», какъ говоритъ одинъ современникъ. Безмѣрная радость охватила всѣхъ: двадцать пять милліоновъ крѣпостныхъ получили свободу! Въ день объявленія воли многіе москвичи и петербуржцы, встрѣчаясь на улицахъ съ знакомыми, христосовались, какъ въ Свѣтлый праздникъ.

«Было два часа пополудни,—разсказываетъ одинъ современникъ,—на Царицыномъ лугу (въ Петербургѣ) было народное гулянье. Плацъ былъ полонъ народа. Издали послышались крики «ура». Это государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, крики «ура» становились громче и громче; наконецъ, когда государь

подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура", отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать того восторга, съ которымъ освобожденый народъ привѣтствовалъ своего царя-освободителя»...

Въ послѣдующіе дни взрывы народной радости имѣли не менѣе горячій характеръ и совершенно не оправдывали мрачныя предсказанія крѣпостниковъ, ждавшихъ пьянства, бунта, погромовъ. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ весь петербургскій гарнизонъ былъ поставленъ подъ ружье, а по Москвѣ ходили и разъѣзжали усиленные патрули. Генералъ-губернаторъ Игнатьевъ провелъ 5-ое и 6-ое марта въ Зимнемъ дворцѣ безотлучно. Одинъ свитскій генералъ такъ разсказываетъ о настроеніи дворца въ этотъ достопамятный день: «Лица, собравшіяся во дворецъ въ ожиданіи Высочайшаго выхода, были, очевидно, неспокойны. Послышался глухой гулъ, какъ бы *выстрѣлъ*. Генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое? Ему докладываютъ, что... глыба снѣга скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался *колокольный звонъ*; опять опрометью мчится фельдъегерь и, возвратившись, докладываетъ, что... звонили у Исаакія по случаю похоронъ какого-то священника»... Но всѣ эти напрасные страхи такъ страхами и остались. Настроеніе народа было самое мирное и серьезное; послѣднее сказалось въ томъ, что пьяныхъ, несмотря на послѣдній день масляницы, было меньше обыкновеннаго.

Встревоженная опасеніями придворныхъ и крѣпостниковъ, полиція, разумѣется, переусердствовала и появилась на улицахъ столицы въ такомъ огромномъ числѣ и была столь воинственно настроена, что когда государь у манежа самъ прочелъ народу манифестъ о волѣ, «ура» раздалось не сразу и сначала не дружно— боялись полиціи!!..

Изъ Петербурга въ губернскіе города были отправлены флигель-адъютанты съ порученіемъ торжественно всюду объявить о волѣ. Флигель-адъютанты останавливались во многихъ попутныхъ бывшихъ крѣпостныхъ селахъ и лично раздавали народу отпечатанные экземпляры манифеста и Положенія. На картинѣ и изображенъ моментъ такого врученія пріѣзжимъ флигель-адъютантомъ экземпляровъ раз-

дачи манифеста и положенія бывшимъ господамъ и бывшимъ крѣпостнымъ.

Одинъ современникъ такъ описываетъ объявленіе воли въ одномъ селѣ Казанской губерніи: «За нѣсколько дней до Благовѣщенія подкатила къ барскому крыльцу тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ офицеръ. По селу мигомъ разнеслась вѣсть, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ, народъ собрался у конторы и ждалъ волю. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и онъ съ ними отправился на сходку. Сходка поклонилась ему въ поясъ, и полковникъ держалъ такую рѣчь:

— Вотъ два пакета, одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, другая крестьянамъ, которую вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайтесь вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было.

Крестьяне низко поклонились. Полковникъ сѣлъ въ телѣжку и ускакалъ въ другія села».

Теперь у крестьянъ началась мука чтенія и уразумленія манифеста и Положенія, написанныхъ очень тяжелымъ, маловразумительнымъ для крестьянъ языкомъ. Манифестъ былъ написанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, косо глядѣвшимъ на совершавшееся великое событіе и несочувствовавшимъ ему. Холодный, сухой, витіеватый стиль этого произведенія заставилъ И. С. Тургенева, не знавшаго, кто авторъ манифеста, сказать, что манифестъ «самымъ явнымъ образомъ былъ написанъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фразы въ родѣ «благодѣтельно устроять» и «добрыя патріархальныя условія»,— которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметь».

Авторъ воспоминаній, отрывокъ изъ которыхъ былъ только что приведенъ, разсказываетъ дальше, чего стоило чтеніе манифеста крестьянамъ. «Врученную старостѣ полковникомъ книгу Положенія всѣмъ міромъ понесли къ попу, чтобы отслужить молебенъ. Но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья.

Потомъ всѣ толпой отправились къ дому столяра, единственнаго въ селѣ грамотника. Съ большими предосторожностями вскрылъ столяръ пакетъ, вынулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуская ни единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще могъ разбирать и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ кончилъ только къ вечеру.

— Всякое слово для меня понятно,—говорилъ онъ,—а куда что прикладывается, не могу растолковать.

Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, но никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ. Всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ, чья земля, луга и другія угодья, а столяръ до ночи продержалъ, а ничего не опредѣлилъ. Обратились къ дьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ указъ Сенату, что вовсе не понравилось крестьянамъ. Привели тогда старую дѣву-начетчицу, но оказалось, что она умѣетъ читать только по-церковному. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала пришить къ книгѣ застежки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ сосѣднее село за грамотнымъ мужикомъ. Подвода вернулась пустая, а посланный разсказалъ, что такая же «книга» есть и въ томъ селѣ, но и тамошній грамотей, сколько ни старался, не могъ ее понять, и теперь тамъ сами ищутъ чтеца».

Такъ мыкались крестьяне не въ одномъ только этомъ селѣ, а чуть ли не по всей матушкѣ-Руси. Чтецовъ всюду искали, какъ клада, возили ихъ изъ села въ село, кормили, поили и самымъ лучшимъ считали того, который больше находилъ въ книгѣ «правовъ». Хорошо, если еще крестьянамъ удавалось понять, что еще два года будетъ все по-старому, но случалось, что слѣпые толкователи доводили темныхъ слушателей до бѣды. Такъ, нѣкій чтецъ Антонъ Петровъ смутилъ своими толкованіями три уѣзда Казанской губерніи, распространяя слухъ, что по церквамъ читали «облыжный манифестъ», что настоящая «золотая» царская грамота даетъ крестьянамъ полную волю и отдаетъ имъ всю господскую землю даромъ, безъ какихъ бы то ни было повинностей и выкуповъ.

Волновался народъ и въ другихъ губерніяхъ. Въ селѣ Бездиѣ, гдѣ толковалъ манифестъ Антонъ Петровъ, никакія увѣренія властей не могли убѣдить крестьянъ, что они ошибаются. Крестьяне упорно стояли на своемъ, отказывались повиноваться, отказывались работать на помѣщиковъ, какъ временно-обязанные, и говорили, что не думаютъ бунтоваться, но считаютъ себя обязанными стоять за «истинную волю», спрятанную господами. На «усмиреніе» была послана воинская команда, но и ея появленіе не поколебало крестьянъ. Тогда дана была команда стрѣлять, и 55 человѣкъ пали жертвой своего невѣжества и неосторожности начальства, не сумѣвшаго во время растолковать Положеніе крестьянамъ. Были также волненія крестьянъ въ губерніяхъ Пензенской и Тамбовской. Въ остальныхъ же введеніе Положенія прошло сравнительно спокойно.

Новая цѣна
Руб. — коп. 08

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-50

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаво
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494